

Вера КАЛМЫКОВА

Мануэль Шац: поиск стилистической доминанты

Мануэль Шац родился в Виннице в 1916 году. В 1931 г. уехал в Одессу — и поступил в Художественное училище, с 31 по 34 гг. это был Художественный институт.

И там ему... не понравилось. "Разочарованный формализмом, царившим тогда в этом училище, я поступил в строительный техникум, надеясь потом поступить на архитектурный факультет Одесского строительного института. В каникулы работал чернорабочим на стройках и консервной фабрике... Стал печатать... карикатуры в одесской областной газете "Черноморская коммуна". И на 5-ю Всеукраинскую художественную выставку у меня приняли серию... карикатур... Так я снова вернулся к мысли стать художником", — писал он впоследствии в "Автобиографии", созданной отчасти по настоятельным просьбам дочери Эвелины Шац.

В 1933 г. Мануэль Шац — студент Одесского художественного училища. Среди его учителей — художник А.Н. Стилиануди, в чьем творчестве сопрягаются традиции школ А.И. Куинджи, К.К. Костанди и русского импрессионизма в целом. Легко себе представить, что в центре внимания педагогов были понимание цвета и света, умение колористически решать композиционные и иные "формальные" проблемы живописного пространства...

Можно было бы заподозрить, что слова о разочарованности формализмом продиктованы требованиями советской цензуры. Однако — при этом — в 1970-е годы — вряд ли стоило тогда подчеркивать отличие своей эстетической платформы от "формалистической", к тому времени уже переставшей вызывать повышенную агрессию в чиновничьей среде. Скорее всего, в случае М. Шаца мы действительно имеем органическую связь с юнорусской школой живописи, с ее очень высокой живописной культурой. И столь же органическую любовь к "реалистическому" пониманию и колорита, и изображения в целом, в стороне от самозабвен-

ного поиска "новых форм" в искусстве, собственно, того, что называлось тогда "формализмом".

Конечно, необходимо оговориться — реализм 1930-х можно считать "наследием передвижников" только в историческом аспекте. Метод к этому времени оказался как следует проплавлен традицией русского импрессионизма, с которой Одесса связана едва ли не более других отечественных художественных центров. Но художникам, работавшим в первые десятилетия XX века, это в голову, наверное, не приходило; и мировоззрение М. Шаца предопределило стиль его творчества и человеческую судьбу — благополучную, но без крупных завоеваний, без мучительного "поиска себя". Он как будто родился, чтобы писать картины в стиле советского "социалистического реализма" с его программным воспроизводством реальности в формах, присущих самой этой реальности.

Как живописцу Мануэлю Шацу суждено было добровольное расставание с ремеслом. Он рассказывал порой дочери, как в одесском училище всегда уважали профессионализм и недолюбливали любительства: картина должна быть сделана.

В 1937 г. М. Шац женился на однокласснице Хелен Мюллер (Hellen Muller — так подписывала она свои работы). Здесь, в одесском училище, на керамическом факультете, она работала в мелкой пластике. В 1938 г. супруги Шац отлично окончили училище и решением Одесского областного отдела искусств были направлены в Академию художеств в Ленинград. М. Шац учился в мастерской одного из лучших российских пейзажистов и портретистов — А.А. Осмеркина, в те годы руководившего, к слову сказать, основанной Архипом Куинджи летней студенческой базой академии в Алушке. Хелен занималась монументальной скульптурой. В том же году родилась их дочь Эвелина (Лина) Шац.

В 1941 г. Мануэль Шац добровольцем ушел на фронт. Хелен находи-

лась в блокадном Ленинграде, Лина — в осажденной Одессе. В 1942 г. больных дистрофией Мануэля и Хелен вывезли через Ладожское озеро на Большую землю — в Уфу, столицу Башкортостана, тогда советской республики Башкирия. Здесь же оказалась и Лина со своими бабкой и дедом по отцовской линии.

В Уфе Мануэль Шац стал заместителем председателя республиканского Союза художников, главным художником юбилейной выставки к 25-летию республики, занимался промышленным и ландшафтным дизайном, работал в декорационных мастерских цирка. Здесь же начал формироваться как портретист: писал портреты героев войны и тружеников тыла.

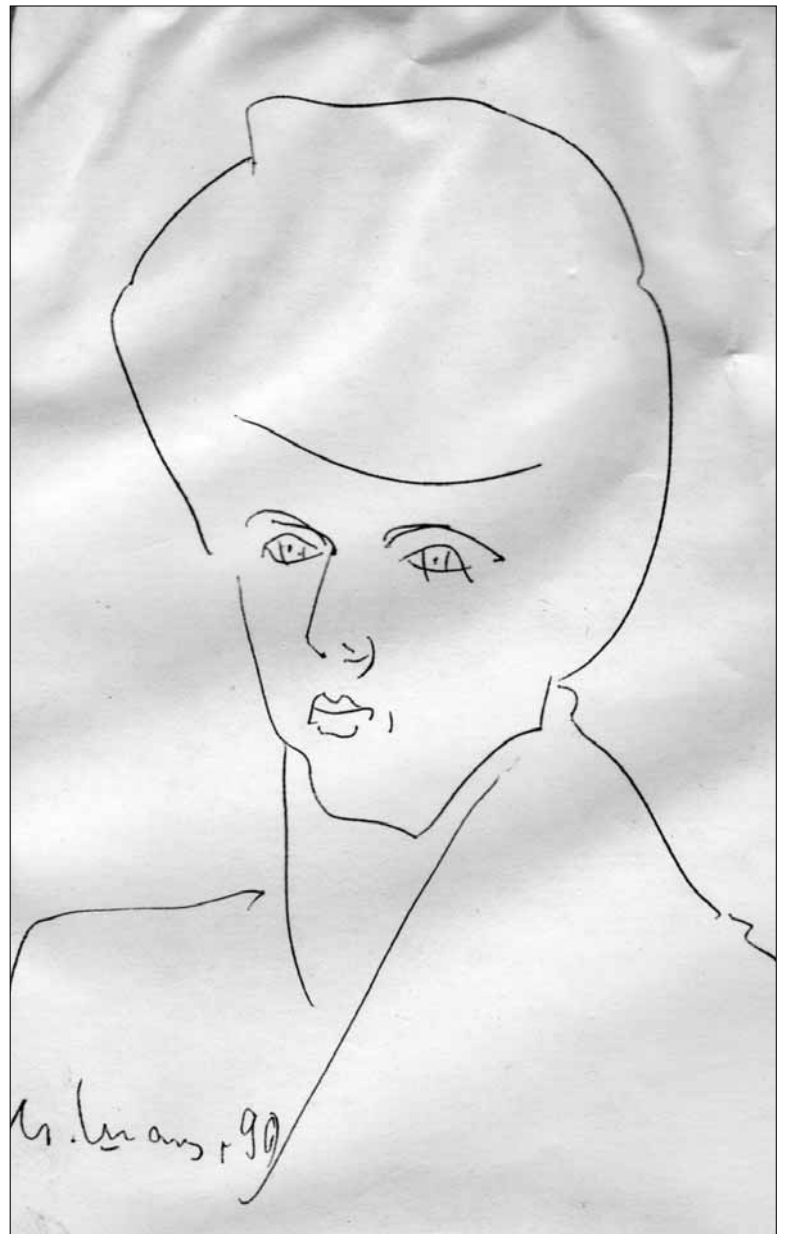
В 1944 г. семья переехала в Москву: Мануэль Шац учился в Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова, в мастерской С.А. Герасимова. Мануэль, Хелен и Лина жили в одном из старинных московских переулков в центре города, занимая комнату в коммунальной квартире вместе с подопечной парализованной одинокой старухой, потомственной москвичкой, чудом сумевшей сохранить свою детскую библиотеку из тогда уже непредставимой дореволюционной эпохи... Но детские книги интересовали разве что Эвелину. Родителям было не до этого: по ночам (днем все время отнимала пленэрная живопись) Мануэль на заказ копировал полотна великих мастеров, и Хелен читала ему вслух.

Война опрокинула в сознание Мануэля Шаца множество лиц — не случайно во второй половине 1940-х и позже он написал серию портретов легендарных героев-партизан: среди них Г. Линьков — "Батя" (1947), П. Вершигора и П. Брайко (1948), С. Ковпак (1950). Все они впоследствии опубликовали свои воспоминания.

В портретном искусстве Мануэля Шаца мастерство торжествует. Качество живописи видно даже на старых черно-белых фотографиях: здесь каждый мазок фактурен, здесь зеркало предельной "похожести" соцреализма выводит его из истории, биографии — общей военной судьбой героев-партизан и "партизанского Леонардо" — так называл М. Шаца П. Вершигора, — в план вечности. Разве мы помним деяния тех, чьи портреты и изваяния восхищают нас в картинных галереях столиц мира?..

В конце 1940-х гг. женой художника становится Наталия Сушкина, происходившая из старинной дворянской семьи с глубокими музыкальными исполнительскими традициями. В начале 1950-х художник вместе с коллегами В.И. Поляковым и И.А. Радоманом работает над огромным живописным полотном "Песнь мира", посвященном выступлению знаменитого в те годы негритянского певца Поля Робсона в Пиксвилле (США).

Полотно в свое время популярное, но, как говорится, испытание временем не прошедшее. Время испытало любовь художника к черной Африке. Тогда же М. Шац пишет портреты композитора Р. Глиэра, итальянского писателя Джованни Джерманетто, выполняет заказные работы для Московского университета, Центрального музея Армии, Президиума Академии наук, Воскресенского дворца культуры. Работы его, прошедшие государственную закупочную комиссию, распределялись и попадали в крупные собрания: в Чувашскую, Луганскую и Симферопольскую картинные галереи. Оказались они и в Музее Большого театра, в Центральном музее Армии, в выставочном зале Художественного фонда (в его московском отделении М. Шац состоял членом президиума правления

с 1961 по 1965 год), наконец, в Русском музее и в Третьяковской галерее. В 1961 г. М. Шац — участник Всесоюзной художественной выставки, в 1967 — Осенней выставки московских художников.

По-настоящему интересным живописцем, без поправок на "эпоху" или "социальный заказ", Шаца делают его пейзажи: Подмоскovie, Крым, Гурзуф. Серо-охристый колорит песчано-глиняной Средней России — с добавлением зелени и лазури — и малый формат делают полотна очаровательными. Прекрасны и его натюрморты. Среди друзей Мануэля Шаца — сценарист Д. Лидер, живописцы М. Бирштейн, В. Поляков и А. Никич, художники с яркой индивидуальностью. 1950-е для всего этого творческого поколения — время интенсивно-яростного поиска "своего" и "нового" языка.

М. Шац "новизну" обретает благодаря одной из тем, которую подсказывает время: это "черная Африка". На крупнейшей выставке 1957 юбилейного года были представлены сразу три портрета африканцев из серии "Черная Африка", выполненные художником в том же году.

В 1960-1970-е Мануэль Шац переживает — впервые в жизни — нечто вроде отказа от "социалистического реализма". На излете метода многие сверстники художника возвращались к традициям "московской школы", "русского сезаннизма", "одесской школы", имеющих, по сути, один и тот же эстетический источник. Другие создавали полотна, объединенные так называемым "суровым стилем". Третьи уходили в абстракцию. Шац пробовал себя в беспредметной живописи, и эти попытки нельзя назвать неудачными — работы успешно выставлялись в Италии, и сейчас в Москве за ними охотятся коллекционеры.

Как только соцреализм исчерпал

себя, само понятие "большой стиль" перестало быть актуальным. Но М. Шац, словно какой-нибудь для нас безымянный средневековый художник, стремится говорить на "языке времени". Безымянное, "никому не принадлежащее" мастерство выводило его из общего русла поисков общности. Всем открывшимся в 1960-е "языком" он явно предпочел эстетику абстрактного искусства, ведь в серо-охристой тональности "сурового стиля" не видел ничего родного, не узнавал "своего" колорита, всегда чувственно-пастозного. Параллельно он искал цвет, и благодаря этому тоже возвращался к своему истоку — к школе Стилиануди. Заново проживая первоначальный профессиональный опыт, М. Шац зачастую использовал свои собственные ранние маленькие картины как этюды — для создания крупных свободных пейзажных полотен, рассказывает Эвелина Шац и добавляет: "Так традиционные живописные ценности оказываются в пространстве актуальных идей. Собственно, актуальность традиционного и предлагает проникнуться художник".

Выставочная деятельность 1970-80-х гг. остается активной: он неприменный участник экспозиций художников — ветеранов второй мировой войны. В это же время он начинает выезжать в Италию, где выставляет ряд портретов на заказ, и где своих ценителей находят его пейзажи. Среди друзей Мануэля Шаца — писатель Мирро Сильвера, художники Альваро, Марио Тудор, Эльвио Беккерони, балерина Анна Мария Прина.

В 2001 году в Милане прошла большая выставка "Evelina e Manuel Schatz — От советской академии до поэтики фрагмента, два поколения в сравнении (работы 1934-2001)".

Художника уже не было в живых.

